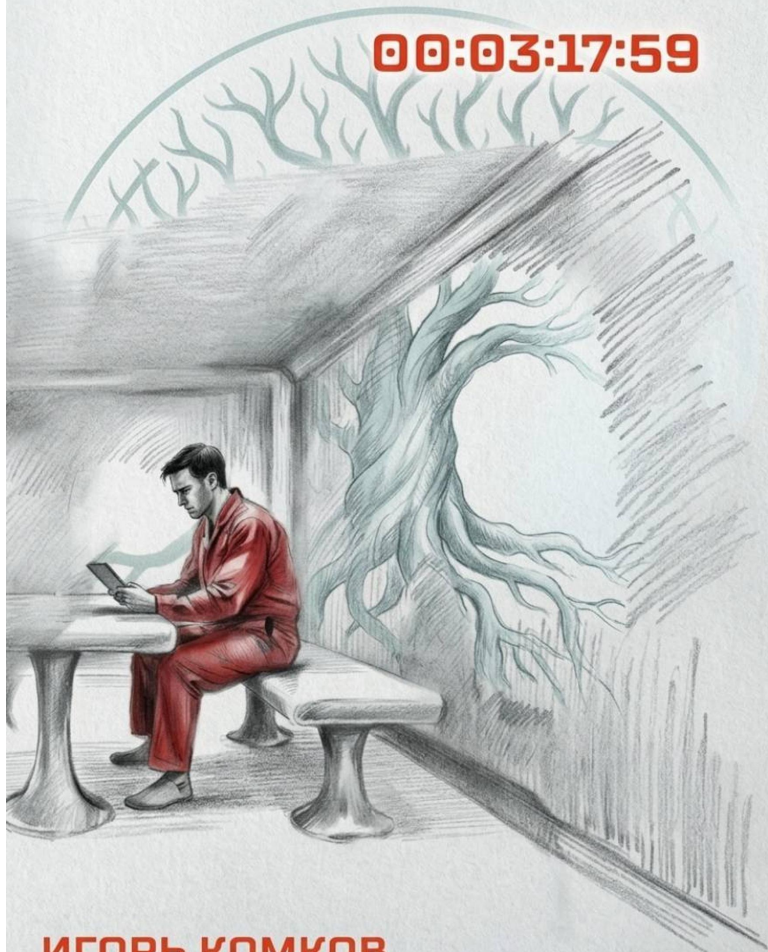

00:03:17:59

ИГОРЬ КОМКОВ

Бес'смертные

18+

Игорь Комков

Бес'смертные

<https://litres.ru/73893584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек просыпается в белой комнате без дверей и окон. Он не помнит, кто он, как сюда попал и почему его лечат. Единственный собеседник — нейросеть, которая знает о нём всё, но отвечает не на все вопросы.

Игорь Комков

Бес'смертные

Пролог

21 июня 2153 года от Р.Х. Госпиталь Адольфа Де Ротшильда, Париж. Палата № 69

Палата была залита вечерним светом, пробивающимся сквозь колышущуюся листву, — словно на средневековых витражах. Окно в палате было открыто: комната дышала приятным ветерком, доносились шум волн и лёгкий аромат маттиолы.

Иван стоял у лечащей капсулы и смотрел на свою умирающую дочь. Ей было сто два года. Она была похожа на мумию: истончённая прозрачная кожа на высохших кистях рук, лежащих поверх одеяла, редкие седые волосы, лицо с заострившимися скулами, похожее на скукоженное яблоко. Но при этом её голубые глаза оставались ясными – не молодыми и не мутными, а именно ясными. Как будто время забрало у тела всё, кроме взгляда, оставив его напоследок.

Рядом, у окна, стояла его жена – такая же молодая, как и он сам: красивая брюнетка не старше 25 лет. Она закусила уголок губы и смотрела в окно.

На стекле капсулы, рядом с ярким логотипом Корпорации

«Древо жизни» и показателями сотен наружных и внутренних датчиков, зелёным цветом светилось:

«МАРИЯ / 102 полных лет / терминальная фаза / продление жизнеобеспечения нецелесообразно».

Сто два года... Цифра была нелепая. Она принадлежала людям из музеев и старых хроник, а не ей – не Марии, не той девочке, которая когда-то бежала к нему по садовой дорожке с разбитой коленкой и гордо не плакала, потому что уже решила: если папа рядом, значит, боль не считается.

Иван посмотрел на монитор за её плечом: узкая зелёная кривая, цифры кислорода, редкие вспышки служебных меток. Казалось, что если следить за ними достаточно внимательно, можно заметить ошибку, зазор, отсрочку – место, куда можно вставить лом и разжать судьбе пальцы.

— Доктор сказал, что в ближайший час всё должно закончиться, — голос Марии был спокойным и лишённым обычного старческого дребезжания.

— Поэтому мы здесь, Марусь, — жена отошла от окна и подошла к капсуле. — Они вдруг написали, что больше ничего не могут. Мы с отцом приехали узнать, что происходит. У нас оплачено лечение ещё лет на 50 вперёд. Иван, не молчи, ты же с ними разговаривал только что – они опять что-то напутали?

Он сжал в кармане левую руку в кулак.

— Врач сейчас подойдёт, и мы разберёмся, что за бардак у них тут происходит. Неделю назад он мне рассказывал про

позитивный отклик теломеразного контура. А утром я получил это сообщение. Пришлось бросить выступление и махнуть через океан. Ты не переживай, Марусь, разберёмся. Я многих из них помню ещё студентами – двоечники чёртовы. И я не последний человек в Корпорации, ты знаешь.

Старуха шевельнула пальцем, и стеклянная крышка капсулы поползла вверх.

— Пап, я просто рада, что вы пришли. Мам, садись, не стой у двери и не смотри ты на меня так. Сядь рядом со мной и дай мне свою руку.

Жена села на стул рядом с капсулой и взяла сухую кисть дочери в обе ладони – и тут же почувствовала, как мало в ней осталось веса. Она ничего не говорила – просто смотрела.

Дверь открылась, и вошёл врач, дочитывая что-то на ходу в своём небольшом планшете. Вид у него был усталый и какой-то обыденный, как у инженера, обслуживающего автоматизированную теплицу. Он подошёл к панели, быстро просмотрел данные, сверился со своим планшетом и, вынув гарнитуру из уха, сказал:

— Мне жаль, но центральная лаборатория прислала финальное подтверждение. Полная генетическая невосприимчивость.

В комнате воцарилась тишина.

— Мы же уже получали финальное, — наконец выдавила из себя мать. — Вы же сами нам говорили, что...

Врач посмотрел на неё без раздражения.

— Хорошо. Последнее подтверждение.

— Раньше вы говорили длиннее.

— Раньше вы хотели надежду, — сказал врач. — Сейчас вам нужны факты.

— Сейчас мне нужна дочь.

— Она здесь, — ответил врач.

— Вы понимаете, о чём я.

— Да.

Мать встала и снова подошла к окну.

Иван глухо спросил врача:

— По какому механизму проводился финальный тест?

— Нанотилакоиды не закрепились, меньше шести процентов адаптации. Теломеразный контур не развернулся. Организм принимал поддержку, но бессрочный цикл... Сожалею.

— Повторный?

— Пытались 17 раз – отторжение в первой же фазе.

— Донорский каскад?

— Это уже не лечение.

— Зато это была бы жизнь.

— Для кого? — спросил врач. — Для неё или для конструкции, которую вы бы собрали вместо неё?

Он смотрел на врача, ждал ещё чего-то.

Врач монотонно продолжил:

— Я пытался. Но, к сожалению, в этом мире по-прежнему есть законы, которые мы пока не смогли нарушить. По

крайней мере, у вас есть время, чтобы принять неизбежное и попрощаться. — Он помолчал и добавил. — Сейчас мне надо уйти, я буду в соседней палате.

Мария улыбнулась.

— Я рада, что у меня есть возможность попрощаться. Садитесь, я хочу посмотреть на вас. Вы такие красивые оба.

Мать всхлипнула, подошла к дочери и села на стул рядом с ней.

Он почувствовал, что в его груди поселилось что-то густое, горячее — как если бы ему туда поместили камень и сказали: «Носи».

— Подождите, — окликнул Иван.

Врач остановился в дверях.

— Вы постоянно с таким сталкиваетесь, — Иван почувствовал, что ему не хватает воздуха от злости. — Скажите, как все это переносят? Я буду жить вечно, жена тоже. А моя дочь прожила просто мгновение от того, что мне предстоит. Уже сейчас мы оба знаем: в Вернерсхоффе идут исследования фиксации цикла, и вечно будут жить все. Мне надо лет пятнадцать ещё. У меня пятый грейд в Корпорации, Марию введут в первую партию. Всё должно получиться, я рассчитывал на вас, чёрт возьми!

Врач устало потёр переносицу.

— Люди ко всему привыкают. Поверьте: как бы вам об этом ни было больно сейчас, пройдёт и это. Вы сейчас просто не понимаете, что те 140 с лишним лет, что вы прожили до

этого момента, — яркая вспышка, миг. Относитесь к этой ситуации как к несчастному случаю, который произошёл в вашем детстве. Извините.

Дверь закрылась.

Жена достала платок и уже не скрывала слёз:

— Это слишком дорогая цена. Я не могу так...

— Этот человек не врёт, — сказала Мария. — Признай, что я прожила свою жизнь целиком. И это была хорошая жизнь. Мне не о чем сожалеть, и я могу вам обоим сказать, что я очень сильно люблю вас.

Иван отвернулся, подошёл к экранам и начал листать диаграммы одну за другой, разговаривая сам с собой сквозь зубы:

— Бесполезно. Всё бесполезно. Здесь мы выиграли девять лет, здесь – шесть, здесь – одиннадцать. Потом организм перестал отвечать. После этой точки – линейно.

Он смахнул все диаграммы с экрана.

— Пап... — позвала Мария.

Иван сразу подошёл и присел на край её постели.

— Марусь, я здесь.

— Дай мне поглядеть на тебя, — она ласково улыбнулась.

— Ты такой же, как и сто лет назад. Надо же, всю жизнь я помню тебя только таким. Ты всегда защищал меня, я знаю. Но сейчас хватит. Я чувствую, что уже вот-вот – в груди что-то тянет всё сильнее. Хочу просто помолчать и посмотреть на вас.

Мать не выдержала и зарыдала.

— Я не могу умирать в удобный для вас момент, — сказала Мария и закрыла глаза. — Спасибо, что вы здесь. Но каждый всегда умирает в одиночку. Вы можете побыть рядом в последний час. Дальше... всё равно не пойдёте. Дальше я одна.

Мать кивнула – спорить уже было невозможно.

— Я бы сломал это всё, если бы мог, — сказал Иван. — Мне просто не хватило времени.

— Я знаю.

Мария взяла в трясущуюся руку широкую ладонь отца, повернула её и поцеловала ее тыльную сторону.

Он хотел захотел отвернуться, но не мог.

Мария дышала реже – без борьбы, без красивой муки. Просто реже.

Мария открыла глаза в последний раз: посмотрела сначала на мать, потом на отца.

— Всё, — сказала она.

И закрыла глаза.

«МАРИЯ / 102 полных лет / терминальная фаза / статус объекта – ЗАВЕРШЕНА».

Тишина в палате не изменилась. Просто теперь она никому не отвечала.

Через несколько секунд дверь открылась, вошёл врач и ти-

хо сказал:

— Зафиксировано.

Мать издала короткий звук, будто у неё перехватило воздух.

Иван всё ещё держал руку Марии. На тыльной стороне ладони оставалось тёплое пятно от её поцелуя. Он поднёс это место к губам и задержал так, будто проверял, сколько ещё продержится.

Потом посмотрел на врача. Тот быстро закончил что-то печатать на экране капсулы и спокойно произнёс:

— Соболезную вашей утрате.

— Спасибо.

— Это просто надо пережить. Увы, для некоторых тел смерть ещё остаётся штатным исходом. Я зафиксировал смерть. Документы уже направлены вам. Тело сегодня же будет подготовлено к похоронам и также направлено по адресу, который вы указали в документах.

Иван кивнул.

Он вышел в коридор.

Коридор был пустым, мягко освещённым и тихим, почти домашним. В дальней палате ребёнок пискляво спрашивал у нейросети, можно ли закрыть окно. Иван остановился посреди этого спокойствия.

На стене напротив висел общий экран. Без звука бежала лента: запуск очередной роботизированной колонии в поясе астероидов; новый рекорд продолжительности непрерывно-

го брака; в Коллегии выбирали одного из семи Судей; юбилейная группа успешно вошла в бессрочный цикл. Мелочи, бегущие в полтора раза быстрее, чем их было возможно прочитать.

Но одна строка серым служебным шрифтом, без движения, висела под лентой:

«Сегодня в Контуре 7 (Северная Евразия) завершено 938 855 естественных жизненных циклов».

Он смотрел на эту строку, пока цифры не сменились: 938 858. Где-то в этом числе – его дочь.

Дверь палаты за его спиной открылась. Вышел врач, на ходу надевая гарнитуру.

— Вам лучше побыть с семьёй, — сказал он дипломатично.

Иван спросил его всё ещё не отрывал взгляд от экрана:

— Где мне вас найти? Нам надо снять ряд вопросов.

— У меня ещё три уведомления до конца часа. Вам придётся подождать. Через полтора часа вы можете найти меня в кафе напротив.

— Три таких же?

— Нет, — сказал врач. — Один отказ от цикла. Двое несовместимых.

— Отказ?

— Да, бывает и такое.

Врач помолчал.

— И... простите.

— За что именно?

Врач пожал плечом.

— Наверное, за то, что мы все недостаточно подходим для этой профессии, — сказал он и зашагал по коридору, попутно начиная что-то кому-то объяснять в микрофон гарнитуры.

Пискнул планшет. Иван механически прочитал рекламное сообщение с ярким логотипом корпорации «Древо жизни» – силуэтом дерева, стоящего в створе ворот с разорванной цепью у корней. Строки сообщения как будто раскрыли ещё одну рану:

Уважаемый Иван! «Древо жизни» дарит вам не только бессмертие. Вы уже сегодня можете подключить дополнительный пакет «Коррекция памяти», который мы предлагаем Вам как нашему первому клиенту и сотруднику, внёсшему свой неоценимый вклад в технологическое могущество нашей Корпорации, а также в её развитие. Вы также можете подключить к пакету ваших ближайших родственников (не более трёх). Наш пакет «Коррекция памяти» позволит вам не просто начать путь в вечную жизнь. Он сделает вашу вечность счастливой. Вы можете...

Он спокойно удалил сообщение, постоял у бегущей строки и вернулся в палату.

Жена сидела у кровати, склонившись к Марии, будто про-

должала что-то говорить ей – уже без необходимости быть услышанной.

Иван остановился у порога, глядя на них обеих: на бессмертную женщину, которую он любил уже больше сотни лет, и на своего мёртвого ребёнка.

Он подошёл к ней, встал рядом. Они молча смотрели.

Жена тихо спросила:

— Как же мы теперь будем, Иван?

— Как в книге «Мастер и Маргарита» — любить друг друга вечно, — сглотнув комок в горле, улыбнулся он.

Он погладил её по голове.

— Жаль Марусю. Жизнь жестока, Наташ. Но теперь этот кошмар кончился. Мы его пережили. И всё переживём вместе, прикрывая друг друга, я тебе обещаю.

Иван продолжал легко гладить волосы жены. Но смотрел он на тело Марии.

Жена подняла на него заплаканные глаза.

— О чём ты думаешь?

Он не отводил взгляда от дочери.

— Запоминаю.

«Я обещаю, — думал он. — Я обещаю, что ты не пожалеешь. Я сделаю всё, чтобы твоя смерть не была такой бессмысленной. Я никогда не забуду тебя».

И поцеловал тыльную сторону своей ладони.

«Это надо пережить», — сказал врач. Он пережил.
Он прожил год. Десять. Сто. Потом века. Тысячелетия.
Он совершал подвиги, открытия. Любил и побеждал.
Он познал всё, что может предложить жизнь.
Он стал тем, кем только мог представить.

Он достиг всего, о чём только может мечтать человек.

Он ценил своё прошлое, но воспоминания уходили. Постепенно, облетая листвой с дерева его жизни, век за веком.

В один из дней ушло всё.

Но осознал это совсем другой человек.

Глава 1. ПРОБУЖДЕНИЕ

Под спиной было что-то твёрдое. Не кровать – лежанка или скамья. Правая рука свешивалась вниз, значит, он лежит не на полу. Воздух чистый, свежий, без запахов. Абсолютное отсутствие запаха – такого в природе не бывает. Фильтрация. Закрытое помещение. Тишина полная: ни гула, ни ветра, ни далёкого голоса – только собственное дыхание и пульс в ушах.

Он прислушался к себе. Тело работало исправно: сердце стучало ровно, дыхание было глубоким и спокойным, без хрипов. Подвигал пальцами на руках и ногах – слушаются. Усталости нет, вялости нет, энергия в теле есть, хотелось встать и размяться. Голова была пустой и лёгкой, как после долгого сна. Не больной – именно пустой. Как комната, из

которой вынесли мебель.

— Ваше дыхание и пульс изменились четыре минуты назад, — он услышал приятный женский голос. Ровный, живой, человеческий, даже участливый. Но люди так не говорят. — Как ты себя чувствуешь?

Голос шёл отовсюду: из стен, или из потолка, или из воздуха. Источник не определялся – он попробовал и бросил.

— Слышу тебя, — сказал он. — Дай минуту.

Он полежал ещё немного – вдруг голос скажет ещё что-нибудь.

Тишина.

«Картинку для зрения можно смоделировать на глазной оптике. Обоняние и слух – сложнее». Откуда он это знал? Он не помнил.

— Нейросеть? — спросил он.

— Да.

— Ты в моей голове?

— Да.

Понятно: Компаньон. Пожизненный собеседник, прослушка, ангел-хранитель, психолог, прокурор и ещё сто в одном. Это он тоже знал – не помнил откуда, но знал. Как знаешь, что огонь горячий, не вспоминая, кто тебе это объяснил.

Нейросеть повторила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Где я?

— Открой глаза. Так будет проще.

Он усмехнулся. Спустил ноги вниз, сел и открыл глаза.

Белое. Всё вокруг белое.

Он находился в маленькой комнате: шагов шесть в длину, четыре в ширину. Потолок светился ровно, однотонно, без ламп. Свет шёл из самого материала, как будто стены были сделаны из замёрзшего молока. Пол такой же. Ни одного угла: все стыки скруглены, мягкие, как обмылок. Ни одного выступа, ни одного крючка, ни одного острого края.

Стол, на котором он сидел, стоял посередине – тоже белый, без углов, привинчен к полу. С обеих сторон – две такие же скамьи, вмонтированные в пол. На противоположной от него скамье лежал очень старый и потрёпанный планшет, перевернутый экраном вниз. На пластике планшета еле угадывался силуэт толстого дерева с большой кроной.

Дверей нет. Окон нет. Ручек нет. Выключателей нет. Ни одного отверстия.

«Как сюда воздух поступает вообще?» — подумал он.

Он упёр ноги в скамью и потянулся. Тело слушалось, как после разминки. Хорошо.

Он опустил глаза.

Красное. На нём была роба – просторная, цельная, без молний и пуговиц, натянута через голову, из плотной мягкой ткани. Цвет был ярким. На белом фоне комнаты он был

единственным цветным пятном. Не было ни карманов, ни застёжек, ни бирок – ничего.

Босым ногам было комфортно на тёплом и слегка пружинящем полу. Руки были чистые, крепкие, лет на тридцать. На запястьях – ничего: ни браслетов, ни часов. На правой руке, под кожей, угадывались очертания маленькой прямоугольной пластинки – он провёл пальцем. Чип, монитор.

Он медленно обвёл комнату пристальным взглядом ещё раз. Кто-то очень старался, чтобы в этой комнате нельзя было причинить себе вреда.

— В целом... жить можно, — сказал он вслух.

Голос не ответил. Он и не ждал. Он хотел ещё раз услышать собственный голос в этом молоке. Эха он не услышал, но акустика была хорошая.

Он прошёлся по комнате: шесть шагов к дальней стене, четыре – к боковой. Пол, как и стены, был мягкий, но плотный, как спортивный мат. Потолок слишком высоко – не достать, даже встав на стол.

Ни вентиляционных решёток, ни швов, ни стыков. Комната была монолитной, как внутренность яйца. Ни единой щели.

Он тихо, еле слышно, почти про себя прошептал:

— Странная комната. Дверей нет. Окон нет. Как тут вообще может жить человек? Еда, питьё, естественные потребности?

Голос нейросети ответил как обычно:

— Вашему телу это не требуется. Его питают в ходе процедуры коррекции.

«Она слушает не микрофоном? Интересно, мысли читать умеет?» — подумал он и продолжил нормальным голосом:

— Ладно, допустим. Тогда как меня сюда доставили?

— Стена за вашей спиной содержит проём. Он открывается снаружи по биометрическому ключу.

Он обернулся. Стена выглядела точно так же, как остальные три: гладкая, белая, светящаяся. Ни намёка на проём. Если не знать – не найдёшь.

— Я могу её открыть?

— Нет.

— А ты?

— Нет.

— Выходит, мы оба заперты? Два заключённых, только ты помнишь всё, а я – ничего? Забавный расклад.

Нейросеть не ответила.

Он соскочил босыми ногами на пол, подошёл к дальней скамье и взял планшет. Планшет был тонкий и лёгкий. Он был сильно потрёпанный и выглядел как кем-то забытый мусор в окружавшей человека стерильности. К планшету слева от экрана был примагничен стилус.

Планшет работал. Белёсый, под цвет стен, матовый экран высветил страницу рукописного текста. Узнавание пришло неизвестно откуда. Знакомый убористый почерк без наклона, как будто написанный чёрной тушью, — это точно писал

он.

Он сел на скамью, положил планшет на колени и начал читать:

«Тебя зовут Иван. Ты в клинике коррекции памяти. У тебя стёрта краткосрочная память. Долгосрочную не стирали, но в ней хрен что разберёшь, мне не удалось. Это часть лечения. Курс: 36 500 коррекций. Ты на 36 451-й. Осталось немного, но не для тебя. Тебе до хрена лет. Ты важный музейный экспонат. Поговори с Софией. Это твой нейрокомпаньон. Она знает о тебе всё, но отвечает не на все вопросы. Написал бы больше, но лишнее сотрут. Мой планшет, например, был пуст. Но попробую. (!) Никому не верь, дружище: Софии (самое важное она тебе не расскажет), мне-мотехнику, даже себе. Единственное, что тебя здесь не предаст, — это твоё тело. Удачи!»

Он перечитал. Потом ещё раз.

«Так, моё имя – Иван. Хорошо. Клиника. Коррекция. 36 451. Протестируем счёт в уме. Допустим, коррекция – один раз в день. Значит, 36 451 день – 100 лет без малого. На вид мне 30, не больше. Не бьётся. Ладно. Башка пока пустая, но считает быстро».

Иван перелистнул на следующую страницу. Одна фраза, подчёркнутая дважды:

Задавай правильные вопросы.

Он хмыкнул. Хороший совет. Только правильные вопросы обычно приходят, когда знаешь половину ответа.

Третья, последняя страница. Тоже одна строка:

Тело помнит больше, чем ты.

Он посмотрел на свою правую руку, поднёс к лицу. Рука как рука. Левая такая же. Ощупал тело. Никаких флешбэков, намёков на дежавю. Тело как тело. Если оно что-то и помнило, рассказывать не торопилось.

Иван вернулся к первой странице. Перечитал строку: «*Никому не верь, дружище: Софии (самое важное она тебе не расскажет), мнемотехнику, даже себе*».

— Мнемотехнику не доверять, — процитировал он вслух. — Софии не доверять, телу доверять. Себе, который это писал, — тоже не доверять. — Иван не сдержал усмешки. — Развели интригу. Доверяй да проверяй, ладно, разберёмся.

Иван немного поразмыслил и проговорил, уже обращаясь к самому себе:

— Информации не густо. Похоже, тут всем на меня плевать. Понять можно, представляю, как я тут всех достал. Я бы на их месте уже давно жал на RESET без лишних разговоров.

Никто не ответил.

Он посмотрел в потолок. Потолок молча светился.

— Сколько ты меня знаешь? — спросил он в воздух.

— Шесть тысяч восемьсот семнадцать лет, три месяца и четырнадцать дней, — скороговоркой проговорила нейросеть.

Шесть тысяч восемьсот лет. Он покатал цифру во рту, как

горькую ягоду. Цифра была нелепая и не помещалась. Семь тысяч лет – это столько же, сколько от Древнего Египта до искусственного интеллекта. Или от ледника до первой пшеницы. Он не знал, откуда взялись эти сравнения – но они были, сидели где-то в фундаменте его мозга, в той части, которую не стёрли.

— Шесть тысяч восемьсот, — он усмехнулся. — Родная, я тебе не надоел за эти годы?

Тишина. Миллисекунда – но он почувствовал, не услышал, а почувствовал, что нейросеть замешкалась. Как человек, который протянул руку к дверной ручке и обнаружил, что ручка с другой стороны.

— Шесть тысяч восемьсот семнадцать. Нет, всё нормально.

— Хотела бы отдохнуть от меня? Ты одна всё это время?

Опять тишина. Секунда.

— Нет, — сказала она.

6 817 лет... Он подумал, что это её цифра, не его. Он тут минут десять от силы. А она – помнит каждый день, каждую его инкарнацию. Без права забыть. Если это не одиночество, то нужное слово ещё не придумали.

— Сожалею, София.

Тишина. Чуть длиннее, чем обычно – он уже начинал чувствовать её ритм. Эта тишина была не обработкой данных. В ней было что-то другое. Как будто он сказал нечто, для чего у неё не нашлось полки.

Он улыбнулся.

— Но не падай духом, — он подмигнул потолку. — Ничто не длится вечно. Посмотри на меня.

Откинувшись к стене, он забросил ноги на стол. Стена приняла его мягко – не холодная, не тёплая. Температура тела. Как будто комната была живая и приспособливалась.

Планшет лежал на коленях. Всего три страницы. Роман, конечно, не напишешь. Но можно было бы написать побольше. «Ладно, спасибо хоть на этом. Стоп, а это что такое?»

Он поднёс планшет ближе к глазам. На странице, там, где не было текста, виднелась довольно заметная цепочка вмятин. Кто-то писал здесь и давил на стилус так, что материал запомнил. Писал здесь одно и то же. Много раз. Реально много – не раз и не десять.

Разобрать, что именно хотел передать писавший, было невозможно. Линии ложились плотно, в несколько слоёв. Текст отсутствовал. Было понятно, что его стёрли.

Иван мысленно представил себе человека – себя, того, кем он был до стирания памяти. Человек сидит на этой скамье, в этой белой комнате, в этой красной робе и давит на планшет, выводя одно и то же слово. Ночь за ночью. Зная, что утром не вспомнит. Зная, что вычеркнут. И всё равно – давит, давит, давит, как будто можно продавить слово насквозь: через экран, через стол, через пол – туда, где его уже никто не сотрёт.

Он попробовал провести указательным пальцем по стёр-

той строке. Медленно провёл, как слепой по странице. Вдруг в животе как будто что-то дёрнуло вниз – он внезапно почувствовал странную беспомощность и боль потери.

Он убрал палец, положил планшет.

«Ладно, запомним и вернёмся. Но потом. Когда поймём больше».

— Это я писал? — спросил он.

— На весь период лечения предоставляется персональный планшет для записей. Это не первый планшет, которым ты пользуешься.

— Не то спрашиваю. Вдавленности. Кто-то давил на это место. Не один раз. Не десять.

— Планшет использовался в течение длительного периода. Я могу отправить ордер на его замену.

— Сколько?

— Нет полномочий на ответ. Данную информацию уполномочен озвучивать персонал. Твоё лечение проводит персональный эксперт-мнемотехник. Он должен скоро быть здесь. Спроси у него.

Он кивнул.

«Не она, – мнемотехник решает, что ему знать. Вот кто вычёркивает строки, назначает коррекции и определяет, сколько правды помещается в 120 строк».

— София, откуда это имя? — спросил он. — Кто тебе его дал?

— Ты. Ты можешь дать мне новое имя.

— Сколько раз я его давал? Только давай без точных цифр, округляй до сотен хотя бы.

— Принято. Большое число, округлю. Ты давал мне имя несколько десятков тысяч раз. 99 % случаев переименований случилось здесь. Но чаще всего ты называл меня моим восьмым именем. Это имя было последним перед началом процедуры лечения.

— Каким же?

— София.

Он повторил про себя: «София». Мудрость. Древнее слово, тяжёлое. Хорошее имя для голоса, который знает тебя семь тысяч лет и не может уйти.

Он помолчал. В тишине было хорошо. Тишина в этой комнате была плотная и чистая, как вода в горном озере – холодная, но не враждебная. Можно было бы сидеть в ней долго.

Он вернулся к скамье и сел, положив локти на стол.

— София.

— Да.

— Скажи мне честно, София, — сказал он. — Ты отвечаешь на все вопросы?

— Нет.

— На какие не отвечаешь?

— На те, которые входят в список ограничений.

— Сколько запрещённых вопросов в списке?

— Семнадцать.

— Если я задам запретный вопрос, ты скажешь, что он

запретный?

— Я скажу, что не могу ответить.

— Но не скажешь, почему?

— Нет.

— Я уже задавал тебе эти вопросы?

— Каждый раз.

— Каждый раз – это сколько?

— 36 451 раз.

Он усмехнулся. Правила игры стали понятнее. Он – спрашивает. Она – отвечает, когда может, и молчит, когда нет. Мнемотехник – решает, где границы. Одни и те же вопросы, заданные десятки тысяч раз.

«Ладно. Начнём. Всегда найдётся дырка, куда можно просунуть лом».

Он машинально приложил к губам тыльную сторону правой ладони. Тело отозвалось новой странной реакцией – как будто кто-то очень знакомый помахал ему рукой из далёкого прошлого.

— София!

— Да.

— За что и с какой целью меня здесь заперли?

Пауза.

— И главное: сколько времени у меня осталось?

Глава 2. СОФИЯ

София молчала.

Не секунду – дольше. Он почувствовал паузу физически, как перемену давления перед грозой.

Потом она ответила на оба вопроса сразу:

— Ты совершил попытку уничтожения носителя. Система классифицирует это как деструктивное поведение и предательство человечества. Это преступление. Тебе назначен курс углублённой коррекции памяти. Осталось сорок девять коррекций. Интервал – семь дней. До следующей коррекции – шесть дней, двадцать два часа и семнадцать минут.

Он переварил. Он посчитал неправильно. Не один день на коррекцию – семь. Это значило, что времени у него больше, чем он рассчитывал. Но это также значило, что лечение длится не сто, а уже почти 800 лет. 800 лет безвылазно в этой чёртовой белой коробке. «Что же они так хотят вытравить из меня?» — подумал он. «Это больше похоже на тюрьму, а не на клинику».

Попытка уничтожения носителя. Можно было бы сказать проще – попытка самоубийства. Но, как видно, система не любит простых слов. Простыми словами можно нечаянно сказать правду.

— Не удалось? Ты помешала?

— Это было исключено изначально. Я действовала по протоколу и подала сигнал. Тебя задержали.

Он посмотрел на правое запястье. Плоская пластинка под кожей. «Она может управлять им? Или она просто голос в

голове?» — пронеслось в мыслях.

— Шесть дней, двадцать два часа, — повторил он. — А потом?

— Коррекция.

— То есть я засну и проснусь без памяти. Как сегодня?

— Да.

— И тот, кто проснётся, — он будет помнить этот разговор?

— Нет.

— Будет знать, что я существовал?

— Нет. Точно так же, как ты не помнишь предыдущую инкарнацию.

Иван кивнул. На планшете, на первой странице, стоял его собственный почерк: «Никому не верь, дружище».

Шесть дней, двадцать два часа. Он проговорил цифру про себя и почувствовал, как она села в тело — не в голову, а ниже, в солнечное сплетение, плоским холодным грузом. Таймер. Надо держать его в голове.

— Ладно, — сказал он. — Поехали дальше.

Он взял стилус и смахнул текст сразу на третью страницу. Пустая, если не считать старых борозд и одной строки, которую ему адресовала его прошлая инкарнация. Места хватало. Он написал: «6 дн. 22 ч.» — и обвёл. И вдруг цифра ожила, окрасилась красным цветом и уехала в правый верхний угол. К ней добавились минуты и секунды. Секунды затикали. Таймер начал обратный отсчёт.

— Это ты сделала?

— Таймер на планшете?

— Да.

— Одна из моих обязанностей – помогать тебе вести записи.

Иван поглядел на утекающее время.

«Плохие новости. Надо спешить», — подумал он.

— София! Семнадцать запретных вопросов. Ты мне говорила. Если будет задан запретный – ты скажешь «не могу ответить»?

— Да.

— А если вопрос не запретный – ты ответишь?

— Да.

— Значит, по твоей реакции я всегда буду знать, попал я в запретный или нет.

— Верно.

— Ладно. Приступим.

Он поставил на планшете цифру «1» и провёл линию.

— Я давал согласие на лечение?

Пауза. Короткая, но ощутимая – как запинка перед ответом, которого не хочется давать.

— Данная информация входит в список ограничений.

Иван записал: «1 – согласие. Ограничено. Пауза 1 сек.»

«Ответ существует, и мне его не дают. Идём дальше», — решил он.

— Могу я отказаться от следующей коррекции?

— Формально право на отказ существует.

Он поднял голову:

— Формально. А если я откажусь фактически?

— Активируется протокол принудительного исполнения.

Иван записал: «Право на отказ = фикция. Принудительное исполнение».

— Кто может остановить курс?

— Коллегия Судей.

— Как с ними связаться?

— Через мнемотехника.

— Напрямую?

— Нет.

Он поставил точку после записи и провёл стрелку к слову «мнемотехник». «Одна дверь. Пока одна», — отметил он про себя.

Встал. Шесть шагов к дальней стене, разворот, шесть обратно. Тело просило движения. Голова работала идеально.

— Чем я занимался до того, как попал сюда?

— Данная информация входит в список ограничений.

Он сел, записал.

— Я причинял вред людям? Убивал?

Тишина.

Он считал: три секунды, четыре, пять.

— Данная информация входит в список ограничений.

Иван записал.

Он задал ещё несколько десятков вопросов из разряда:

«Ищут ли меня?», «Есть ли у меня семья?», «Могу я связаться с другими людьми?» и в том же духе. На все эти вопросы он получил быстрый ответ «Нет».

Потом посмотрел на свой список. Три запретных темы из семнадцати. Три ответа, которых ему не дали. И каждый молчаливо ответил сам за себя.

— Спасибо, София.

— Ты задавал правильные вопросы.

Он дописал: «Паузы = ответы. Длина паузы = вес ответа».

Он откинулся к стене и забросил ноги на скамью. Таймер в верхнем углу планшета тикал молча: шесть дней, двадцать один час с чем-то. Через неделю его не будет. Проснётся кто-то другой – с его лицом, с его руками, без его вопросов.

Шесть дней. Целая жизнь, если успеть ей правильно распорядиться.

— Я пациент или заключённый?

— Пациент.

— Пациент может уйти?

— После завершения курса.

— А до завершения?

— Нет.

— Чем пациент, который не может уйти, отличается от заключённого?

Пауза.

— Целью содержания.

— Цель тюрьмы – изоляция. Цель клиники – излечение.

Если лечение принудительное, согласия я не давал, уйти не могу – в чём разница для того, кто внутри?

Длинная пауза.

— Разница – в исходе.

— А если я не хочу такого исхода?

Таймер тикал. Он ждал: десять секунд, двадцать.

— Твоё молчание, — сказал он тихо, — означает «не могу возразить». Ты не спорила, не уточняла – замолчала. Значит: я прав, это тюрьма. Но сказать ты не имеешь права.

Четыре из семнадцати.

Он посмотрел на свои записи. Четыре запретных – и по каждому он получил больше, чем система хотела бы дать. Не ответы – контуры. Как рисунок, проступающий на запотевшем стекле, если дышать на него достаточно долго.

Но четыре – это меньше четверти. И времени оставалось – он глянул на таймер – шесть дней, двадцать часов.

Он решил поменять тактику.

— Тот, кто в конце концов выйдет отсюда через сорок девять коррекций, — он будет чувствовать то, что я чувствую сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.